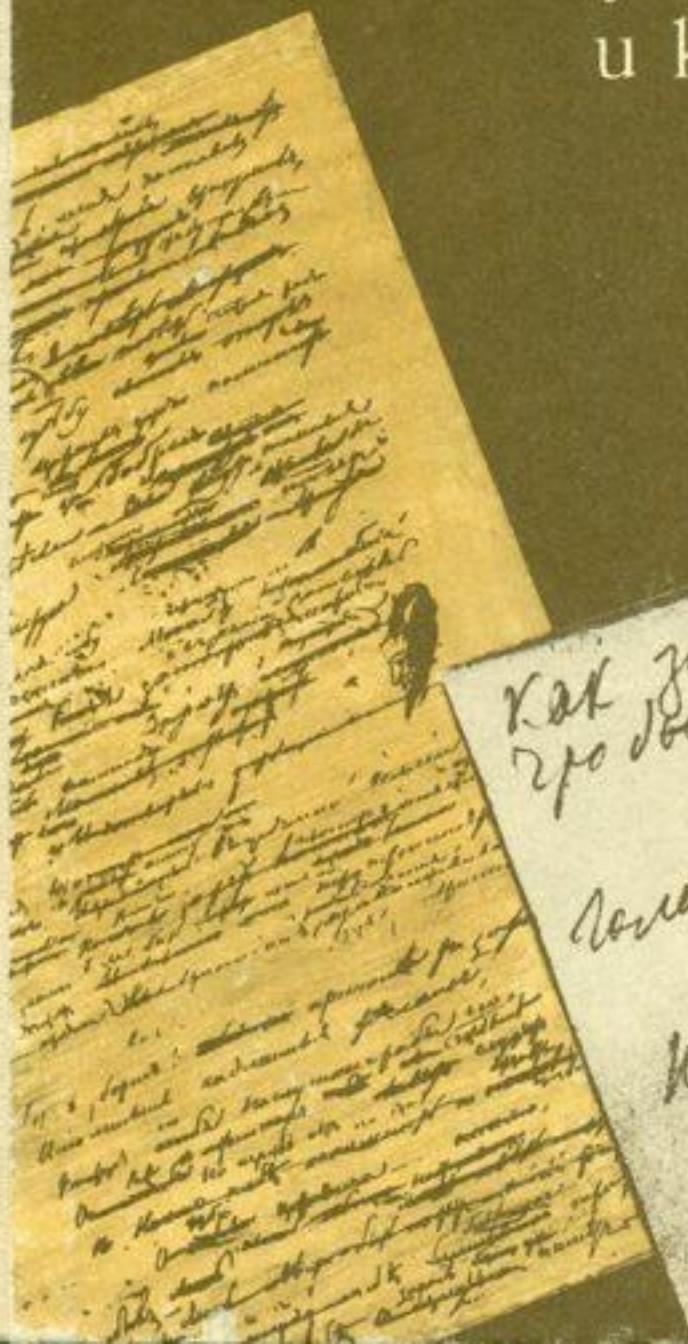

М. О. ЧУДАКОВА

Рукопись и книга

Как же земли! видеть
что же не вижу!
Кричало и
волосует сердце
И
и писать не
могут!

136 Москва
прочитано

М.О. ЧУДАКОВА

Рукопись и книга

Рассказ
об архивоведении,
текстологии,
хранилищах
рукописей писателей

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Москва «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1986

Глава первая

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО РУКОПИСИ

Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь в архивы...

А. Пушкин — П. Нащокину

Его рукописная комедия «Горе от ума» произвела неописанное действие.

А. Пушкин

В этой главе будет рассказано о рукописных и печатных текстах, обращающихся при жизни автора, об особенностях тех и других, о разных типах отношения писателей к своим рукописям, к изданиям и переизданиям своих произведений, к собственному архиву.

На уроках литературы идет речь о фактах биографии писателя и о том, как понимать его произведения. Мы хотели бы дать возможность преподавателю литературы дополнить историко-литературный материал некоторыми представлениями общекультурного порядка.

Архивы давно уже стали важной частью жизни нашего общества. Тома «Литературного наследства» и серии «Литературных памятников» публикуют, т. е. делают доступными читателю хранившиеся в архивах много десятилетий ценные рукописные материалы.

И снова раздаются голоса — а зачем публиковать черновики произведений, зачем доставлять возможность каждому читать письма писателя, которые сам он обнародовать не собирался?..

Эти вопросы, по нашему глубокому убеждению, впервые должны возникнуть в школе, на уроках литературы и истории, и именно там впервые должны прозвучать ответы на них. Незнание архивной грамоты, как и незнакомство с современной культурной нормой, регулирующей наше отношение к литературному наследию, мешает человеку в дальнейшей жизни, какую бы специальность он себе ни выбрал.

«Рукопись», «архив», «источник», «документ», «памятник культуры».

Человек, оканчивающий сегодня среднее учебное заведение, должен и сам понимать эти слова, и уметь растолковать их другим. В этом ему должен помочь прежде всего учитель литературы.

ОТ РУКОПИСИ К КНИГЕ

Вот вам моя рукопись. Условимся.

А. Пушкин

В первой главе этой работы речь шла в основном о рукописях художественных произведений — о письменно закрепленных текстах писателя и знакомстве с ними читателя, об опубликованных и неопубликованных рукописях и отношении к ним автора, о складывании архива писателя еще в течение его творческой жизни.

В этой главе мы обратимся к процессу создания рукописного текста. Речь пойдет о тех особенностях творческой работы писателя, о которых нельзя судить по готовому — беловому или печатному тексту произведения. Читатель и исследователь надеются узнать что-либо о «тайне творчества», обратившись к разным этапам работы над произведением — к тому, что предшествовало завершенному тексту, заключенному под переплет печатной книги.

Этот интерес — явление нового и новейшего времени. Мы попытаемся проследить возникновение в отечественной культуре общественного интереса к архиву писателя, а затем и к тому, что получило не очень удачное наименование «творческой мастерской» (или — еще менее удачное, но характерное для определенных представлений о труде писателя — «творческой лаборатории»). Но сначала обратимся к самому слову «рукопись», к его истории.

1. Тайны рукописания

В конце X—XVI вв. в языке нашей письменной культуры было слово «рукописание», которое, как и «писание», означало некий существенный для жизни человека текст, зафиксированный письменно. «Писание» могло означать как священное писание, так и грамоту, запись, имеющую характер приказа, распоряжения, постановления, установления («За вину его показаны от митрополита писанием», XV в., т. е. писаным распоряжением), а также некое

сочинение (кем-то сочиненный, завершенный, как можно предполагать по контекстам, целостный текст). «Рукописание» наводило спектр значений от божественного происхождения текста и, возможно, самого документа к человеческому — как рукою писаному, рукотворному (в отличие от нерукотворных свершений). Оно имело следующие значения: запись, перечни, постановление, духовное завещание. В первом значении оно употреблялось в весьма серьезных контекстах («расторгни греха моего рукописанье»), остальные значения указывают на текст, написанный кем-либо **собственно ручно**. Было еще слово «письмя». Означало оно и буква, и писание, сочинение, и грамота, послание. И «писание», и «письмя» могло означать и живопись (как писанное кистью, а не только «писаном»).

Слово «рукописание» обозначало не столько автографичность, сколько авторство, точно удостоверенное. Завещание могло быть написано писцом, а затем подписано автором документа (слово «подпись» появилось примерно в XV в.). Слово «рукописание» закрепилось на несколько веков за документами определенного рода — стало означать заемные письма, вообще письменные обязательства.

Книгопечатание изменило значение слова. Результат этого процесса хорошо выявлен в словарях начала XIX в.: «Рукописание — то, что написано, а не напечатано» (Словарь Академии Российской. Спб., 1822, ч. 5). Это значение к тому времени взяло на себя слово «рукопись», зафиксированное в XVIII в. и в течение первой половины XIX в. вытеснившее форму «рукописание», одновременно принимая на себя новые оттенки значений.

Отечественная ситуация возникновения книгопечатания имеет свои специфические черты — писатель в России появился позже начала книгопечатания. В середине XVI в. возникают первые типографии, но только в середине XVII в. Симеон Полоцкий сам называет себя «литератором», развивается представление об авторстве текста, о сочинительстве, писательстве, укрепляющееся и усложняющееся на протяжении XVIII в. «В XVII в. новая терминология писательского труда еще не установилась», в среде тогдашних сочинителей «имели хождение разные самоназвания, но чаще всего, пожалуй, употреблялось слово «учитель» (наряду с сочетанием «трудник слова»)». Сами они уже чувствовали себя профессионалами, но, как утверждает цитируемый нами исследователь русской культуры этого времени, «аксиоме поэта» еще предстояло сложиться и войти в обиходную культуру, в сознание среднего человека...»².

Со второй трети XVIII в. в России вступает в силу новый тип литературного развития, прямым образом обусловленный среди прочего тем, что книгопечатание, долгое время ориентированное на учебные, церковные, административные цели, распространилось и на литературу. Что касается рукописной литературной традиции, то она продолжала существовать еще в XVIII и в XIX вв. «в оста-

² Нашchenko A. M. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984, с. 173—175.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

О нынешних добродеющих издателях моих скажу, что они, может быть, и правы, издавая и предавая меня на суд читателей целиком. Литературная жизнь писателя есть также своего рода жизнь человека. «Еже писах, писах»: что прожил, то прожил. Выходи на этот суд, каков ты ни есть. Судьи, то есть читатель и критик, присудят сами, что должно тут пойти на правую сторону, что на ошую; я же тут при решении суда и приговора остаюсь в стороне.

П. А. Вяземский.
«Автобиографическое введение»
к собранию сочинений (1878)

1. Собирание наследия

При жизни автора любая страница или строка, им сочиненная, принадлежит ему самому и готова в любой момент измениться по его воле. И в то же время все успевшее увидеть свет, т. е. вышедшее в печатном виде, уже не вполне принадлежит тому, кем порождено, уже необратимо движется в потоке культуры, неся к читателю, посредством множества экземпляров каждого издания, художественные смыслы сочинений писателя.

Кончается жизнь автора, и навсегда прекращается воздействие его творческой воли на все им созданное или только создававшееся, недоконченное. Движение изданных сочинений к читателю должно стать теперь с точки зрения культурной нормы единственной формой их бытования. А тексты, оставшиеся в рукописях, еще не известные обществу, теперь подлежат обнародованию; вся масса рукописных сочинений, набросков, отброшенных автором, но не уничтоженных вариантов — все, что не готовилось к печати им самим, теперь должно в той или иной форме, с той или иной полнотой стать достоянием читателя.

Начинается история посмертных изданий, история передачи (т. е. печатного воспроизведения) рукописных текстов. То, что решал автор, теперь приходится решать в его отсутствие. Как знакомить с завершившимся творчеством читателя? Давать ли сочинения в их хронологическом порядке или, напротив, выделять сначала то, что получило высшую оценку самого автора в последние его годы? Где помещать ранние произведения, а где их позднейшие, иногда, как мы видели, сильнейшим образом переиначенные редакции? Следовать ли за автором и печатать только законченные его произведения? Насколько обнародовать необъявленный пласт его рукописного наследия? Что такое тот или иной поэт — только ли совокупность его завершенных сочинений, уже отданных (или предназначенных) им читателю? Только ли результат — или еще и путь?